

Демидова Татьяна Васильевна, Соловьева Татьяна Михайловна

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ И ВОПРОСЫ ПРАКТИЧЕСКОГО ПРЕПОДАВАНИЯ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА В ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

В статье предпринята попытка осмыслить возможности постижения лексико-семантических знаний китайского языка с учетом их типологического, формального и содержательного аспектов. Значительный акцент делается на необходимости осознания асимметрии в номинативном плане между лексическими знаками русского и китайского языков. Данный фактор рассматривается как основное препятствие на пути освоения существенных особенностей изучаемого предмета - современного китайского языка. Возможности практической реализации поставленных задач иллюстрируются на примере одного китайского концепта.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2018/3-1/52.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2018. № 3(81). Ч. 1. С. 191-195. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2018/3-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 81.23

В статье предпринята попытка осмыслить возможности постижения лексико-семантических знаний китайского языка с учетом их типологического, формального и содержательного аспектов. Значительный акцент делается на необходимости осознания асимметрии в номинативном плане между лексическими знаками русского и китайского языков. Данный фактор рассматривается как основное препятствие на пути освоения сущностных особенностей изучаемого предмета – современного китайского языка. Возможности практической реализации поставленных задач иллюстрируются на примере одного китайского концепта.

Ключевые слова и фразы: специфические черты китайского языка; особенности речевых и языковых единиц; номинативные и коммуникативные функции; лингводидактика; семантико-когнитивный подход; формирование лексических навыков; опора на *цзы*-концепты.

Демидова Татьяна Васильевна, к. филол. н.

Соловьева Татьяна Михайловна, к.и.н.

Российский университет дружбы народов, г. Москва

tademidova@rambler.ru; solovyeva_tm@pfur.ru

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ И ВОПРОСЫ ПРАКТИЧЕСКОГО ПРЕПОДАВАНИЯ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА В ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

Предпринятая ниже попытка познакомить с возможностями практического освоения и формирования лексических навыков китайского языка нуждается в некотором предварительном пояснении лингвотейоретического характера. В методике его преподавания традиционно используются принципы и клише, механически позаимствованные из общетейоретического арсенала этой практической науки. В то же время полагается, что каждая частная методика того или иного конкретного языка должна учитывать специфические особенности и характерные отличия соответствующего реального языка от некоторого языка-эталона, наделенного лишь универсальными чертами, присущими всем языкам. Применительно к обучению китайскому языку это особенно актуально. Так сложилось исторически, что лингвистическая наука главным образом развивалась, черпая свой материал из западных языков. Китайское языковедение, восприняв эти идеи, перенесло их в дидактическую область. В результате перед приступающими изучать китайский язык лежит «оскопленная» плоть, лишенная его национального духа в гумбольдтовском смысле этого слова. Главное и самое существенное, что утрачено в этой методике, – это представления и знания об основной единице китайского языка. Эта единица выявляется не в коммуникативно-грамматической парадигме, а в его семантико-когнитивном, содержательном аспекте, коррелирующем с номинативными функциями языка и его языковым членением. За этой единицей как знаком закреплен семантический концепт, имеющий специфическую графическую выраженность в виде иероглифа *цзы*. Очевидно, что некоторое пренебрежение к семантическим знаниям как знаниям глубинного понятийно-мыслительного плана, зиждущимся на этой единице, отчасти оправдано при освоении языка в рамках разговорно-бытового дискурса, не отягощенного более сложной тематикой. Знание же языка на более глубоком уровне, коррелирующее с политическими, научно-техническими, художественными дискурсами или стилями речи, не могут стать достоянием языковой личности без опоры на главную содержательно-формальную единицу языка – *цзы* (простое слово – морфема – однослог). Важности изучения в практике преподавания этих единиц мы уже касались в своей статье [2]. Именно *цзы*, а точнее их множество, мы рассматриваем как аналог ментального лексикона китайцев, как отражение их национально-специфического концептуального формата. Для простоты описания и оперирования этой единицей мы ее приравниваем к простейшим языковым концептам, используя словосочетание *цзы*-концепт или просто *цзы*. Формирование соответствующих знаний и навыков, в своем целевом пределе направленное на свободное владение языком, возможно только при освоении семантики базовых *цзы*. Данная постановка вопроса пересекается с принципом сознательности в лингводидактике, подразумевающим «понимание (осознание) учащимся единиц, которые составляют содержание иноязычной речи, и способов пользования такими единицами для построения высказывания» [1, с. 217]. Разделяем точку зрения Азимова Э. Г. и Щукина А. Н., авторов указанного выше «Нового словаря методических терминов и понятий» [1], и по вопросам, связанным с процессом овладения языком, который носит сознательный характер, в отличие от владения им, которое опирается на непосредственно-интуитивный характер. В результате осознанного изучения языка возможно

осуществление двух основных видов речевой деятельности: перцептивной и продуктивной. Под первой понимаем такое восприятие языкового содержания, которое адекватно осмысливается субъектом – пользователем языка. Под вторым – его способность свободно, в автоматическом режиме осуществлять речевую деятельность. Предварительно отметим, что языковые и речевые процессы в китайском языке тесно переплетены. Тому, что в русском языке является словом (как единицей языка), в китайском часто соответствует сложное слово или словосочетание как единица речи. Таким образом, речевая деятельность в китайском языке касается как бы процессов семиозиса – означивания некоторого понятийного содержания в привычные и понятные китайцам языковые формы. Применительно к языку это означает, что владеющий языком ориентируется в его семантическом пространстве или концептосфере, основными базовыми единицами которой являются однослоги *цзы*. Он / она способен(на) в соответствии с целеполаганием и смысловой задачей строить свою речь согласно реляционным возможностям этих единиц, поднимаясь от уровня простых *цзы* на более высокий уровень их сочетаний – сложных слов или словосочетаний. Именно этот этап рече-языковой деятельности и является наиболее уязвимым с точки зрения его постижения и реализации. Именно эта черта современного китайского языка, уровневая неопределенность его простых (слово или корнеморфема) и сложных языковых единиц (слово или словосочетание) никак не отражена в современной лингводидактике. Что же касается функционирования слов в предложении, т.е. использования их в виде уже заранее выбранной или сделанной сложной единицы, то этот процесс не вызывает затруднений у обучающихся. Он привязан к привычному, универсальному принципу синтаксических отношений слов на уровне предложений. Именно на этом, уже коммуникативном, уровне срабатывают закономерности языка вообще как общетеоретического субстрата. Подлежащее и сказуемое, по-видимому, можно найти во всех языках. На формирование синтаксических способностей нет необходимости тратить значительное по объему аудиторное время.

В китайском языке как языке изолирующем по типу и моносиллабическом по своему происхождению наиболее специфическим и важным для постижения механизмов его речевого функционирования как раз таки является его низший уровень – уровень морфем или простых слов, представленных одно-знаковыми картинками-иероглифами. Соответствующее им содержание мы для операциональных целей называем концептом или первоконцептом. Термин аналогичного содержания у А. Л. Семенов в формате системно-языкового представления обозначен словосочетанием *первичная лексема* как «исходная единица лексикологического анализа» [4, с. 26]. Для практиков более адекватной представляется терминология, связующая понятия в рамках междисциплинарной науки – лингводидактики, где во главе угла находятся парадигмы, признанные служить целям познания, понимания и овладения языком. Эти знания коррелируют с когнитивными, психологическими и собственно семантическими аспектами языка. Таким образом, закрепляем за этой единицей наименование, которое коррелирует с этими планами языка в ее содержательном ключе, – *цзы* или концепт *цзы*. «Такие единицы – суть языковая реальность, они даны носителям языка и хранятся в языковом сознании» [Там же].

В ракурсе именно данного направления предлагаем остановиться на практических примерах того, насколько важной и ценной является соответствующая конструктивно-семантическая информация на уровне концептов *цзы*, и попытаемся проиллюстрировать эти положения конкретными примерами из аудиторной презентации. Итак, общая идея заключается в том, что изучающий китайский язык должен познать понятие и осознать ту семантическую информацию, которую несет тот или иной китайский односложный концепт. Это необходимо для того, чтобы в дальнейшем, на базе этих сведений, он мог ориентироваться уже в лексико-семантическом аспекте языка и предсказывать, угадывать на этой основе значения композитов, сложных языковых единиц как единиц номинации, которая в китайском языке очень часто сопровождает и коммуникацию. Значительное количество сложных слов языка делается в речи по мере потребности по определенным моделям, подобно нашим речевым словосочетаниям. Они не попадают в словарь и являются само собой разумеющимися единицами смысла. Наблюдается некоторая асимметрия между единицами номинации в русском и китайском языках. В русском языке – это простые, сложные и производные слова как единицы языка, которые фиксируются толковым словарем и используются в готовом виде, извлекаясь из долговременной памяти. Словосочетания же как единицы речи не подлежат фиксации в словаре и производятся «на ходу» в зависимости от целей высказывания. В китайском языке языковой уровень представлен простыми словами или односложными значимыми вещественно морфемами. Именно они используются в готовом виде, извлекаясь из долговременной памяти и, по-видимому, принадлежат целиком ментальному лексикону. Эти единицы могут в речи оказаться в роли наших словосочетаний, сочетаясь между собой по определенным правилам (семантической сочетаемости, не всегда осознаваемой носителями) и «делаясь на ходу». Их результат необязательно сохраняется в долговременной памяти, подобно свободным словосочетаниям. Наши теоретические выводы на данном этапе не позволяют четко и рационально обозначить концепцию исследования. На близкую нам тему в общетеоретическом плане находим рассуждения Е. С. Кубряковой о необходимости изучения «композиционной семантики в функционировании языка, т.е. проблемы, имеющей решающее значение для понимания использования языка и принципов его употребления. Ведь само это использование может по праву рассматриваться как сводимое к комбинаторике знаков при линейной разверстке речи и в ее синтагматической протяженности» [3, с. 340].

Предположим, что для приобретения и актуализации знаний необходимо формировать соответствующую языковую интуицию. Итак, сформулируем нашу задачу. *Дано*: семантика концептов *цзы*. *Требуется*: на основе знаний содержания этих концептов строить или узнавать встречающиеся сложные концепты, исходя из знаний входящих в них составляющих. Решение этой задачи в определенном смысле является почти утопичным: никогда нельзя будет знать значения всех *цзы* концептов (около 50 тысяч), и поэтому не удастся

осознать и итог их сочетаний. В то же время мы продолжаем решать эту задачу следующим образом. Во-первых, изучению должны подлежать далеко не все *цзы*-концепты, а лишь наиболее продуктивные и частотные, и, во-вторых, нам не обязательно иметь жестко четкие представления об их сочетательном результате. Главное – получить некоторый ориентир в соответствующей предметной области и осознать ее границы или границы соответствующего семантического поля и т.д. Эти семантические векторы могут послужить подсказкой в определении и идентификации того или иного сложного концепта. «Экономическая эффективность» данного подхода высока, т.к. он позволяет более продуктивным способом «упаковывать» знания и помещать их в определенные ячейки нашей памяти. При этом память не загружается ее суммарными результатами производной продукции – значениями сложных образований, которые нет необходимости запоминать целиком (исключения составляют фразеологизированные сложные единицы).

Слова, которые необходимо усвоить на первых занятиях, являются многосложными единицами (*телевизор, машина, институт, студент, обучающийся за границей, иностранный язык, Китай*). Все они, попадая в память изучающего, занимают в ней то место, которое принадлежит соответствующему русскому языковому концепту без учета семантики односложных простых составляющих, значение которых мотивирует общее значение двуслога или многослога. Если бы эти исходные значения были предметом специального изучения, то освоение семантики многосложных производных не представляло бы сложной задачи для нашего сознания и нашей памяти. Так, отдельное заучивание слова 电视机 diànshìjī (*телевизор*) никак не поможет узнать, «угадать» значение слова 飞机 fēijī (*самолет*), или 电话机 diànhuàjī (*телефон*), или 耳机 ěrjī (*наушники*), или 发动机 fādòngjī (*двигатель*) без знания семантики концепта 机 jī (анализ значения представлен ниже). В то же время если бы слова изучались в их номинативной функции и в их производной форме как первозданные однослоги-концепты, то наша память бы упорядочивала их в соответствии с той категоризацией действительности, которая была осуществлена языком в далеком прошлом и сохраняется как некое первичное членение действительности. В этом случае обучающийся должен бы был узнать, что слово 机 jī, будучи многозначным в части своих значений, имеет концепт «механизм» и используется для обозначения различных видов механизмов, в частности, тех, которые указаны выше, и многих других, образуя собой некоторый кластер слов, привязанных к концепту «механизм». Близкий же ему с точки зрения русского языка концепт *машина* в китайском языке покрывается двумя *цзы*-концептами: 车 chē (*колесное средство передвижения*) и тот же 机 jī (*как механизм, аппарат и т.п.*).

Тип знаний и навыков, которые необходимо передать и сформировать, значительно отличается от привычных знаний, содержащих жесткие схемы, структуры с однозначными функциями и обладающих строгими границами. К такому качеству относятся, например, знания грамматического характера. Для овладения ими достаточно аргументировано объяснить материал для понимания и дать возможность с помощью упражнений закрепить его. Знания, связанные с семантическими представлениями китайских однослогов как простых номинаций и именно тех, которые покрывают значительные по размеру семантические пространства, традиционно рассматриваемые как многозначные слова, не имеют четкой структуры и их невозможно эксплицировать некоторым видимым образом, на который опиралось бы наше сознание. Эти знания сопряжены с китайским мировидением, с его специфической картиной мира, и постичь их можно (по крайней мере, на том уровне развития соответствующего раздела китайского языкознания, который нам доступен на современном этапе), опираясь на то, что мы называем языковой интуицией. Формирование ее возможно с помощью тех инструментов языка, которые представлены в китайских толковых нормативных словарях и различных словарях языкового употребления. Как показала работа со студентами в этом направлении, данный подход действительно эффективен и способствует формированию именно языковой интуиции даже без погружения в языковую среду с носителями языка. Например, знакомя студентов с однослогом 机 jī, мы раскрываем его основные современные значения и иллюстрируем их примерами. Полученные на этом отрезке знания тут же проверяются на предмет их эффективности. Покажем, как это происходит в аудитории. Вот круг значений этого однослога, который дает словарь *现代汉语词典* [5]:

1. 机器 jīqì (*машина; станок; механизм*): 缝纫机 féngnjī (*швейная машинка*) | 打字机 dǎzìjī (*пишущая машинка*) | 播种机 bōzhòngjī (*сеялка*) | 拖拉机 tuōlājī (*трактор*).

2. 飞机 fēijī (*самолет*): 客机 kèjī (*пассажирский самолет*) | 运输机 yùntshūjī (*грузовой самолет*) | 僚机 liáojī (*ведомый (самолет, вертолет)*) | 机群 jīqún (*эскадрилья*).

3. 事情变化的枢纽 shìqíng biànhuàde shūniǔ (*узловой, ключевой момент какого-то события*); 有重要关系的环节 yǒu zhòngyào guānxìde huánjié (*звено, имеющее важнейшее значение*): 事机 shìjī (*ситуация; шанс*) | 生机 shēngjī (*жизнеспособность, жизненные силы*) | 转机 zhuǎnjī (*переломный момент, пересадка на самолет*).

4. 机会 jīhuì (*возможность, шанс*); 时机 shíjī (*благоприятный момент*): 乘机 chéngjī (*воспользоваться случаем, лететь на самолете*) | 随机应变 suí jī yìng biàn (*приноравливаться к условиям*) | 机不可失 jī bù kě shī (*не упустить возможность*).

5. 生活机能 shēnghuó jīnéng (*витальные функции*): 有机体 yǒu jītī (*организм*) | 无机化学 wújī huàxué (*неорганическая химия*).

6. 能迅速适应事物的变化的 néng xùnsù shìyìng shìwùde biànhuàde (*легко приспособляемый к изменяющимся условиям*); 灵活 línghuó (*гибкий*): 机智 jīzhì (*смекалистый, мудрый*) | 机警 jījǐng (*бдительный, находчивый*).

Кроме этих значений, которые отмечены именно в словаре современного языка, следует отметить еще значения *умыслы, замыслы*, которое встречается в других словарных источниках. Мы не ставим задачу критиковать содержание словарей и ограничиваемся той информацией, которую предоставляет популярный словарь.

Как видим, представленные значения, во-первых, с точки зрения носителя русского языка кажутся странным образом совместимыми в одном слове. Во-вторых, все варианты перевода являются достаточно условными и фактически абсолютных эквивалентов в русском языке не имеют. В-третьих, очевидно, что подача их в таком прямом переносе из словаря в аудиторию без некоторой адаптации и предварительного пояснения возможных ситуаций его употребления или сценариев такового не окажется действенной в отношении формирования семантических знаний. Действительно, репрезентация тех знаний, которые никогда не были предметом прямого изучения и преподавания, нуждается в разработке соответствующей методики. Мы подаем материал путем обобщения основных значений и выделяем три основных значения. Первая группа значений связана с понятием различных механизмов и самолетов – № 1, 2. Вторая – это слова, связанные с понятием шанса, удобного случая и умственной ловкости – значения № 3, 4, 6. Третья – слова, связанные с идеей органа (значение № 5). Некоторое огрубление и приближенность получаемых результатов вполне оправдана нашими целями – дать ориентацию, задать верные координаты в определении семантических параметров и формировании на их основе соответствующих знаний и навыков. Отметим, что даже эти предварительные сведения о концепте 机 *jī* уже помогают студентам при восприятии незнакомого сложного слова с участием этого элемента попытаться «нащупать» его смысл и сориентироваться, к какой области действительности он принадлежит. Как показывает тот же словарь, производные слова, начинающиеся на 机 по выделенным нами группам, распадаются примерно в таком соотношении: около 90% (цифры очень приблизительны, важна лишь информация о пропорциональном соотношении) пересекаются со значением «механизм» в прямом и переносном смысле (机关枪 *jīguānqiāng* (пулемет)), около 5% относятся к «шансам» (机会 *jīhuì* (шанс, возможность)). Около 3% – к «ловкости, уму и смекалке» (机灵 *jīlíng* (находчивый, ловкий)). Прочие связаны по смыслу с «замыслами и тайнами». В словах, заканчивающихся на 机, распределение более равномерное: примерно поровну на механизмы (扳机 *bānjī* (гашетка), 唱机 *chàngjī* (патефон; проигрыватель)), шансы (乘机 *chéng jī* (воспользоваться случаем; использовать удобный момент)) и немного слов со значением смысла-умысла (触机 *chùjī* (осенять, приходит по наитию, догадке)) [Там же]. Раскрывая эту информацию перед студентами, мы как бы погружаем их в то семантическое пространство, которое коррелирует с языковым сознанием носителей языка – китайцев. Это позволяет «уйти» от понятий, образов и ассоциаций, которые запечатлены в их русском языковом сознании в привязке, например, текстового значения слова *телефон* или *самолет*. Эти два слова по законам русской «логики» никак не могут попасть в одно семантическое пространство. Таким образом, знакомство с семантикой словопроизводящих *цзы*-концептов является эффективным в отношении процессов запоминания, осознания и использования соответствующих сложных слов как определяющее их специфические связи в рамках одной словопроизводящей основы. В нашем примере 50 слов обратного словаря. 机 используется как конечное *цзы* в составе сложного образования и связано по смыслу всего с тремя основными значениями однослога. Соответствующие знания помогают определить и значение производных слов, порой даже при незнакомых остальных членах. То же самое можем сказать и о словах прямого словаря, где 59 слов, начинающихся на 机, также связаны по смыслу с основными значениями, главным образом – идеей *механизма*. Все это говорит о том, что мы выявили более экономный способ запоминания, осознания и применения слов на базе значений, входящих в них первоэлементов *цзы*. Это способствует формированию более продуктивной «упаковки» знаний в нашем сознании (аналог архивирования в компьютере). Эти знания можно назвать интуитивными и вероятностными, так как их результат не всегда может быть абсолютно верным, но степень вероятности высока и их необходимо учитывать в процессе работы над лексическим составом китайского языка в аудитории. Работа по развитию интуиции, приобретению знаний и соответствующих навыков требует значительного временного ресурса и усердия. Как показали практические занятия, подобная работа достаточно продуктивна с точки зрения формирования общесемантических представлений о языке. Она имеет выход в китайское языковое членение действительности, задающее более четкие координаты семантики языковых единиц, и способствует формированию собственно лексических навыков (навыков использования слов в соответствии с их специфическим идеотническим наполнением, заданным их номинативными функциями). Следует отметить немаловажный педагогический эффект от ощущения, что обучающиеся в аудитории имеют дело не с адаптированным под их понимание китайским языком, а реальным китайским языком во всем многообразии его проявлений, которые интуитивно воспринимаются и постигаются через семантические штудии. Подобная практика имеет положительный психолого-педагогический эффект и вызывает у студентов больший интерес к китайскому языку и более высокий мотивационный стимул к освоению языка на более глубоком уровне.

Современный китайский язык, будучи контрастивным по его основным параметрам (в его уровневой организации и семантико-лексическом наполнении) по сравнению с русским языком, преподается без должного учета этих специфических характеристик. Это происходит в связи с тем, что теоретическая китаистика как лингвистическая наука не успевает за вызовами современного состояния языка и запросами его преподавания. Учитывая такое положение, предлагается преподавателям китайского языка инициативно использовать доступные (в том числе благодаря развитию информационных технологий) лексикографические словари серии *цзыдянь* (словари иероглифов), знакомить студентов с соответствующей семантической информацией

и формировать у них специфические навыки «словоделания» на *цзы*-морфемном уровне. Такой подход будет способствовать проникновению в «скрытую» (термин Тань Аошун) грамматику китайского языка и открывать возможности для постижения особенностей языкового сознания носителей китайского языка.

Список источников

1. Азимов Э. Г., Щукин А. Н. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). М.: Икар, 2009. 448 с.
2. Демидова Т. В., Соловьева Т. М. О месте языковой интуиции в процессе формирования лексических навыков при изучении китайского языка // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 12 (78): в 4-х ч. Ч. 2. С. 199-203.
3. Кубрякова Е. С. Язык и знание: на пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: Языки славянской культуры, 2004. 560 с.
4. Семенов А. Л. Лексикология современного китайского языка. М.: Наука, 1992. 280 с.
5. 现代汉语词典. 北京: 商务印书馆, 2016. 599 页 (Словарь современного китайского языка. Изд-е 7-е. Пекин: Коммерческая пресса, 2016. 599 с.).

**LINGUISTIC THEORY AND ISSUES OF PRACTICAL TEACHING
OF THE CHINESE LANGUAGE IN LEXICO-SEMANTIC ASPECT**

Demidova Tat'yana Vasil'evna, Ph. D. in Philology

Solov'eva Tat'yana Mikhailovna, Ph. D. in History

*Peoples' Friendship University of Russia, Moscow
tademidova@rambler.ru; solovyeva_tm@pfur.ru*

The article examines the possibilities to acquire lexico-semantic skills of Chinese considering psychological, formal and meaningful aspects. The focus is made on the necessity to realize the asymmetry in the nominative aspect between the Russian and Chinese lexical signs, since it's the main source of difficulties for the Chinese learners. The possibilities for practical realization of the assigned purposes are illustrated by the example of a certain Chinese concept.

Key words and phrases: specific features of the Chinese language; peculiarities of speech units and linguistic units; nominative and communicative functions; linguo-didactics; cognitive-semantic approach; formation of lexical skills; taking *zi*-concepts as basis.

УДК 821.161.1:378(076)

В статье обобщается накопленный автором опыт в области преподавания учебной дисциплины «Теория и методика преподавания истории русской литературы в высшей школе» у магистрантов филологического факультета Национального исследовательского Мордовского государственного университета имени Н. П. Огарева. Представлена характеристика структуры курса, его цели и задач, формируемых профессиональных компетенций. Подчеркивается, что на базе успешного освоения данной дисциплины во многом строится дальнейшая профессиональная деятельность магистрантов-филологов.

Ключевые слова и фразы: учебная дисциплина; курс; «Теория и методика преподавания истории русской литературы в высшей школе»; магистерская программа; магистрант; ФГОС ВО; Национальный исследовательский Мордовский государственный университет имени Н. П. Огарева.

Казеева Елена Александровна, к. филол. н., доцент

*Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева, г. Саранск
kazeeva-ea@yandex.ru*

**МЕСТО КУРСА «ТЕОРИЯ И МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ
ИСТОРИИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ»
В СИСТЕМЕ ПОДГОТОВКИ МАГИСТРАНТА-ФИЛОЛОГА**

В 2011 году на филологическом факультете Национального исследовательского Мордовского государственного университета имени Н. П. Огарева была открыта магистратура по направлению подготовки 45.04.01 Филология, в рамках которой разработан ряд магистерских программ как лингвистического, так и литературоведческого профиля. Особое место среди обязательных дисциплин, входящих в вариативную часть учебного плана магистерских программ «Русская литература» и «Литература народов России», занимает курс «Теория и методика преподавания истории русской литературы в высшей школе». Сочетание теоретических и практических компонентов в преподавании данной дисциплины превращает ее в один из важнейших курсов в профессиональной подготовке магистранта-филолога. Изучение «Теории и методики преподавания истории русской литературы в высшей школе» особенно важно для выпускников бакалавриата Мордовского государственного университета имени Н. П. Огарева, поскольку с 2011 по 2016 годы в их учебном плане отсутствовала «педагогическая составляющая» – курсы методики преподавания русского